

Лун Чи, благодаря своей ловкости, могла бы полностью избежать опасности, но она несла на себе инвалидное кресло и Нань Лицзю, и её движения замедлились. Она то и дело проваливалась в ямы, не успевая увернуться. С Нань Лицзю наверху она не боялась быть раздавленной, но постоянные падения и завалы оставляли на её коленях ссадины, а кожа на груди и лице почти стёрлась. Она была рада, что была женьшеневым духом, способным выдерживать удары. Если бы она была обычным человеком, она бы уже погибла.

Нань Лицзю всё это время лежала на спине, будучи несомой Лун Чи. Каждый раз, когда земля обрушивалась, камни падали на неё, особенно на лицо, что заставляло её злиться.

— Ты можешь идти нормально, не наступая на ямы?

Лун Чи надулась.

— Если можешь, иди сама.

Нань Лицзю хотелось сказать: «Опусти меня», но она знала, что её злая младшая сестра вполне могла бросить её, и тогда ей пришлось бы выбирать: либо остаться здесь, либо ползти.

Нань Лицзю чувствовала унижение и, повернувшись, начала избивать Лун Чи.

Лун Чи хотела убежать, но она несла Нань Лицзю на спине, и, когда та начала бить её, она не могла ни убежать, ни уклониться. Её меч был прижат креслом, и она не могла его достать. Слезы текли по её лицу, и она жалела, что согласилась на просьбу учителя заботиться о сестре. Если бы она не дала обещание перед смертью учителя, она могла бы просто бросить Нань Лицзю в колодезь и оставить её там.

Лун Чи, рыдая, опиралась на палку и шагала вперёд, время от времени проваливаясь в ямы. Слезы катились по её лицу, и в воздухе распространялся странный аромат.

Лун Чи выглядела ужасно жалко, и её состояние вызывало одновременно жалость и смех.

Нань Лицзю чувствовала себя виноватой. Если она не была Лун Чи, та не переставала жаловаться, а если была, она начинала плакать, превращаясь в маленькую жертву, что вызывало и жалость, и смех.

Нань Лицзю сама была в плохом состоянии, но на фоне Лун Чи она выглядела как злая хозяйка, угнетающая раба. Она вдруг вспомнила, что их договор предполагал, что Лун Чи была главной, а она подчинённой, но в реальности всё было наоборот.

Нань Лицзю улыбнулась, но сдержала смех, чувствуя себя виноватой.

— Хватит плакать, иначе твои слёзы снова привлекут демонов.

Лун Чи ещё больше обиделась.

— Нань Лицзю, я тебя ненавижу.

Нань Лицзю мягко ответила:

— Угу.

Затем она повернулась и погладила листья женьшеня на голове Лун Чи.

— Бить нужно не по лицу, а ругать — не за слабости.

Листья женьшеня были приятны на ощупь, прохладные, и через них в тело проникала энергия, расслабляя поры. Даже не зная о свойствах трав, можно было понять, что это редкое сокровище. Нань Лицзю не могла удержаться от того, чтобы потереть листья пальцами.

Лун Чи сжала губы, чувствуя стыд и злость. Она не могла больше терпеть.

— Ты уже достаточно потрёшь мои листья?

Ей хотелось бросить кресло Нань Лицзю на землю и вышвырнуть её. Если бы она только могла победить Нань Лицзю, она бы уже заставила её плакать так, что её мать бы не узнала.

Нань Лицзю ответила:

— Нет. Твои листья, вероятно, можно использовать для создания эликсира воскрешения.

Лун Чи испугалась, её глаза расширились, и она задрожала.

— Я... я...

Нань Лицзю почувствовала, как Лун Чи дрожит, и усмехнулась.

— Трусиха.

Она отпустила листья и села прямо.

Лун Чи немного успокоилась и сказала:

— У учителя был только я как ученик. Если ты меня убьёшь...

Нань Лицзю прервала её:

— Он всё равно не сможет меня убить.

Лун Чи не нашла, что ответить, и, боясь снова быть избитой, сжала губы и продолжила идти, снова проваливаясь в ямы. Выбравшись из одной, она мысленно ругала: «Проклятый демон-

город».

Нань Лицзю сказала:

— Если ты снова будешь ругаться, я тебя изобью.

Лун Чи упрямо ответила:

— Я не ругалась.

Нань Лицзю протяжно сказала:

— Ты не ругалась вслух, но в мыслях ты это сделала. Твоя злоба слишком очевидна.

Лун Чи снова не нашла, что ответить.

Внезапно она увидела перед собой поля, а не груды камней, и её глаза загорелись. Она почувствовала облегчение: наконец-то они выбрались.

Она ускорила шаг, вышла из груды камней и поставила Нань Лицзю на землю. Она бросила свою почти сломанную палку и, обиженно и зло, посмотрела на Нань Лицзю:

— Я с таким трудом тебя вынесла, ты могла бы сказать спасибо.

Нань Лицзю, оказавшись на земле, повернулась и увидела, что кожа Лун Чи всё ещё чистая, но её одежда превратилась в лохмотья, грязные и не имеющие первоначального цвета. Даже одежда нищего выглядела лучше. Хотя ей нравилось издеваться над Лун Чи, она не могла больше игнорировать её состояние. Она вздохнула:

— Как же ты жалко выглядишь.

Листья женьшеня на голове Лун Чи поднялись вверх, и она с грохотом вытащила меч.

— Нань Лицзю, сегодня либо ты, либо я.

Нань Лицзю не восприняла угрозу всерьёз.

— Кажется, мы вышли из зоны с иньской ци. Впереди город, и там есть люди. Деньги не потеряны, купим тебе новую одежду.

Она взглянула на грудь Лун Чи и заметила, что та неплохо развилась, но дыры в одежде были забавными. Два белых холмика выглядывали из дыр, как белые персики.

— Оказывается, ты не плоская.

Лун Чи посмотрела на свою грудь и, не выдержав, подпрыгнула, прижав свою ступню к лицу Нань Лицзю.

Нань Лицзю на мгновение замерла, затем мягко взяла Лун Чи за лодыжку и убрала её ногу с лица.

— Мы квиты. Ты больше не будешь называть меня калекой.

Лун Чи, боясь, что Нань Лицзю сломает ей ногу, кивнула.

— Хорошо, я согласна.

Как только она убрала ногу, она добавила:

— Проклятый демон-город.

Лун Чи убежала. Как женьшеневый дух, она была быстрой, и Нань Лицзю не смогла бы её догнать, что её злило.

Лун Чи, увидев, что Нань Лицзю не преследует её, нашла сухую траву, которую жители использовали для разведения огня, и сделала из неё простую накидку. Хотя она выглядела как дух травы, это хотя бы скрывало её тело.

Нань Лицзю подъехала на кресле и, увидев Лун Чи в травяной накидке, почувствовала странную смесь жалости и неловкости. Она подумала, что её отец был нечеловечен. Она потеряла мать, а он ушёл на много лет, не интересуясь её судьбой. Лун Чи, наследница Обитатели Женьшеневого Владыки с Великой горы Инь, старший ученик, управляющий Сектой Драконьего Владыки, была воспитана её отцом как простая деревенская девчонка.

Эта «деревенская девчонка» не имела в виду способность сокрытия в земле, а скорее то, что она могла сидеть и лежать где угодно, и даже сделать одежду из сухой травы.

Нань Лицзю думала, что её семья обеднела, но, по крайней мере, она всегда была одета в шёлк, сшитый мастерицами из городской мастерской.

Лун Чи, закончив накидку, сделала небольшой фартук и начала толкать кресло Нань Лицзю в сторону города.

Нань Лицзю вдруг простила Лун Чи за её слова.

Они прошли недалеко, когда вышли на дорогу, где увидели беженцев.

За пределами города дома были пусты, и последние жители собирали свои вещи, готовясь уйти.

Лун Чи и Нань Лицзю выглядели странно, и их одежда привлекала внимание.

Лун Чи купила старую одежду на свои деньги и сменила травяную накидку.

Люди в городе также бежали, и их поток казался бесконечным.

<http://bllate.org/book/15297/1351469>